

17. Kozlova N. Yu. On the Question of the Epistemic Functionality of Language: A Linguo-Philosophical Analysis. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2025. Vol. 62. No 2. Pp. 89–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-epistemicheskoy-funktsionalnosti-yazyka-lingvofilosofskiy-analiz> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Мурманский арктический университет (Россия, 183038, Мурманск, ул. Кап. Егорова, 15)

Information about the author

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic University (15, Cap. Egorova, Murmansk, 183038, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.04.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2026
Принята к публикации / Accepted for publication 06.06.2026

Теоретическая (обзорная) статья / Review article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-65>

Мифологема Севера: смысловое содержание понятия и его эвристическая значимость

**Анна Анатольевна Кликачева¹,
Людмила Александровна Клюкина²**

^{1,2} Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

¹ juliussecond1503@gmail.com,

<https://orcid.org/ORCID: 0009-0002-1785-6684>

² klyukina-la77@yandex.ru, <https://orcid.org/ORCID: 0000-0003-4843-9357>

Аннотация. В современной российской геополитике и экономике важной задачей признается необходимость освоения Арктики и Севера. В связи с этим актуальным становится изучение культуры северных народов и ментального образа «Север». В настоящей статье изложе-

ны результаты философского анализа работ отечественных ученых-гуманитариев XXI века, посвященных исследованию мифологий и художественной литературы северных народов. Научной новизной данной работы является выявление и описание базисного феномена культурного сознания народов Севера в проанализированных текстах, условно названного «мифологема Севера». Цель статьи: обозначить общую трактовку ментального образа Севера в трудах отечественных ученых в виде мифологемы Севера, раскрыть смысловое содержание данного понятия и показать его эвристическую значимость. В контексте философии мифа А. Ф. Лосева мифологема Севера была определена как феномен коллективного сознания, обозначающий интенцию сакрализации природы Севера, символически выражающий систему ценностей и представлений северных народов. Эвристическая значимость этого понятия заключается в том, что выведенная авторами статьи из теоретических текстов ученых-гуманитариев, описывающих конкретные эмпирические материалы, эта общая инвариантная структура смысла в контексте феноменологического подхода А. Ф. Лосева может использоваться в качестве инструмента классификации и анализа культурных текстов. Результаты данного исследования могут применяться в качестве материалов при разработке проектов в области образовательной и культурной политики, направленных на сохранение и популяризацию культур северных народов.

Ключевые слова: Арктика, мифологема, мифологема Севера, мифологемный узел, мифология, мифы народов Севера, образ Севера, Русский Север, сакральное место

Для цитирования: Кликачёва А. А., Клюкина Л. А. Мифологема Севера: смысловое содержание понятия и его эвристическая значимость // Человек. Культура. Образование. 2026. № 3. С. 65–81. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-65>

The Mythologem of “the North”: semantic content and heuristical significance of this concept

Anna A. Klikacheva¹, Lyudmila A. Klyukina²

^{1,2} Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

¹ juliushtthesecond1503@gmail.com,

<https://orcid.org/ORCID: 0009-0002-1785-6684>

² klyukina-la77@yandex.ru, <https://orcid.org/ORCID: 0000-0003-4843-9357>

Abstract. The need for developing Arctic and Northern regions is recognized as an important task of the modern Russian geopolitics and economics.

In connection with this, the research of northerners' culture and mental image of the "North" became currently important. The results of the philosophical analysis of Russian modern soft scientists' works about research on mythologies and literature of the northerners are represented in this article. The academic novelty of this article is recognition and description of the "mythologem of the North" in the texts of these investigators. This technical term is used by us to refer to a basic phenomenon of the cultural consciousness of the Northern peoples. The aim of this articles is to represent the common interpretation of the North's mental image as a "mythologem of the North" and its heuristical importance coupled with definition of this term. We defined the "mythology of the North" in the scope of Aleksei Losev's phenomenological approach. Mythologem of the North is the phenomenon of the collective consciousness, denoting the intension of Norhthern Nature sanctification, denominating the value system and system of representations of the Northern peoples symbolically. The heuristical importance of this term consists in the fact that this common invariant structure of the signifcation may be interpreted as the same phenomenon of cultural consciousness in a framework of phenomenological approach and may be used as the tool of classification and analysis of cultural texts. The results of this research may be used as the material for educational and cultural politics project development in order to protect and popularize the culture of northerners.

Keywords: *the Arctic, mythologem, mythologem of the North, mythologem's knot, mythology, myths of northerners, North's image, the Russian North, sacral area*

For citation: *Klikacheva A. A., Klyukina L. A. The Mythologem of "the North": semantic content and heuristical significance of this concept. Che-lovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education. 2026; 3: 65–81. (In Russ.)* <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-65>

Введение. В современном геополитическом дискурсе России одной из важных задач признается цивилизационное освоение территорий Севера и Арктики. Это означает, что в будущем Север может стать центром интенсивного диалога этнических культур, а также новой духовной культуры. В этой связи следует отметить рост внимания географов, историков, философов, культурологов, литературоведов к изучению смыслового содержания понятия «Север». Так как данное понятие обсуждается в контексте различных дискурсов, оно не может быть однозначным по своему смыслу, поэтому существует несколько вариантов его трактовки. Север может восприниматься как некое цир-

кумпольярное пространство; как сторона света; как географическое и территориальное понятие; как место проживания северных народов, обладающих особой культурой, и как активно используемое в социогуманитарном знании понятие «Русский Север». В философии культуры диалог о Севере предполагает обнаружение общей смысловой позиции в мифах культур северных народов, являющейся его необходимым условием. Такую общую смысловую позицию можно выявить или сконструировать средствами феноменологического подхода и представить ее в виде мифологемы. Под мифологемой мы подразумеваем некий «первообраз коллективного сознания носителей культуры, выраженный в системе символов и опознаваемый носителями культуры по данным символам в контексте определенной языковой игры» [1, с. 206]. В контексте феноменологического подхода становится возможным исследование образа Севера как феномена коллективного сознания, который представляет собой инвариантную смысловую структуру и лежит в основе мифов северных народов, а также присутствует в том или ином виде в северных мифах современной массовой культуры. Данный феномен мы назвали мифологемой Севера. С нашей точки зрения, понятие «мифологема Севера» может также использоваться в качестве теоретического инструментария в области философии культуры.

Прежде чем отбирать и изучать конкретный эмпирический материал различных культур, мы решили проанализировать опыт современных исследователей мифов коренных народов Севера. В настоящей статье изложены результаты изучения интерпретаций ментального образа «Север» в социогуманитарных работах российских ученых XXI века. **Нами была поставлена цель:** выявить в этих работах общую для трактовок ментального образа Севера мифологему Севера, раскрыть смысловое содержание данного понятия и показать его эвристическую значимость.

В связи с поставленной целью были выбраны и проанализированы тексты отечественных авторов: Ж. В. Бурцевой, Е. Ш. Галимовой, А. В. Давыдовой, Н. К. Даниловой, А. С. Жулевой, В. К. Корниловой, Ю. В. Линника, А. В. Панюкова, Ю. В. Попкова, А. М. Прилуцкого, Н. М. Теребихина, Е. А. Тюгашева.

Методы исследования, теоретическая база. Определение нами понятия «мифологема» было связано со следующей

логикой. Согласно К. Г. Юнгу, источником мифологемы является первичный миф, который возникает в ситуации сильного экзистенциального переживания. Из этого переживания извлекается смысл, который выражается в символической форме, именуемой Юнгом «архе» [2, с. 13]. Реакция коллективного сознания на этот символ в момент его узнавания и воспроизведения в ритуале соответствующего ему экзистенциального состояния интерпретировалась мыслителем как архетип, неаналитичный элемент коллективного бессознательного. В традиционных культурах опыт коллективного сознания также передавался устно через мифы. Комплекс устных нарративов Юнг обозначил «мифологией». Он считал, что в мифе нельзя отделить смысловое содержание от интерпретации, поэтому нужно изучать различные варианты его трактовки [2, с. 13]. Посредством сравнительного анализа содержания нарративных текстов различных культур, повествующих о похожем сюжете, он выявлял инвариантную структуру, которую назвал «мифологемой». Отождествление смысла мифа и его культурной обработки является недостатком теории Юнга.

Понимая миф самой живой реальностью, А. Ф. Лосев рассматривал его как «феномен сознания, который символизирует само сознание» [3, с. 147]. Утверждая подлинность и реальность переживания носителя мифологического сознания [4, с. 5], в котором нет деления на субъект и объект [4, с. 56], он подчеркивал, что вместе с тем эта реальность является несколько отрешенной от нормального хода событий [4, с. 61], т. е. чудесной, имеющей свою истинность, закономерность, структуру, иерархию бытия [4, с. 56]. Так как миф в себе соединяет временный и вневременный план бытия, то в культуре он функционирует в виде символа [4, с. 65].

Л. Витгенштейн полагал, что смысл символа определяется через отношение с системой символов и реализуется в языковом высказывании. Понимание этого смысла, с его точки зрения, становится возможным в коммуникации в контексте языковой игры как единства языка и действий участников коммуникации [5, с. 83]. Языковая игра производилась в контексте определенной социальной практики и вместе с тем сама являлась условием успешного осуществления этой практики, поэтому Витгенштейн называл ее также «формой жизни» [5, с. 90].

В настоящей работе мы использовали понятие «мифологема» в ходе философского и логического анализа текстов современных ученых-гуманитариев, посвященных исследованию мифов коренных народов Севера или проблемы концептуализации понятия «Север» в ментальном аспекте. Мы рассматривали выявленные в текстах ученых феномены не как ядро первичного смысла, а как культурные тексты, символически его замещающие. В рамках феноменологического подхода презентация, мыслимая как непосредственное переживание реальности, признается принципиально неаналитичной. Поэтому мы условно понимаем первичную репрезентацию как выражение социально-культурного бытия, которая также показывает отражение в культурном сознании мифологического образа Севера. В этой связи литературные произведения и тексты ученых, посвященные этой литературе, с феноменологической позиции условно рассматриваются нами как «тексты сознания».

Результаты исследования и их обсуждение. Идея Севера как особого сакрального пространства не является абсолютной новой. Во многих традиционных картинах мира определенное географическое пространство наделяется эмоциональным и религиозным смыслом. В исследовании «Метафизика Севера» Н. М. Теребихин дал подтверждение данной теории, приведя в пример космогонические образы северных русских крестьян [6, с. 5]. В своих мифах они изображали мир в виде «вписанных друг в друга мировых кругов, расходящихся из одного центра». Арктика, северные территории, являлись по представлениям поморов, циркумполярным мировым кругом. Именно в Арктике, по их мнению, находился центр мира, где ставились и разрешались определенные вопросы земного бытия [6, с. 5]. Здесь можно заметить определенную смысловую ассоциацию с описанным К. Юнгом процессом творения пространства мира от точки «mundus» [2, с. 14]. Такой точкой может пониматься и Северный полюс.

Первой из самых известных мифологем Севера является образ страны Гипербореи, о которой писал Плиний Старший [7, с. 30]. Несмотря на свою архаичность, она сохраняется в современном дискурсе о Севере и активно упоминается в современных исследованиях в контексте устоявшихся ассоциаций с северной тематикой. Процесс сакрализации Севера, по мнению

Е. В. Корниловой, тесно связан с мифом о Гиперборее и гиперборейцах, так как в данной мифологеме заключено понимание Севера как некоего особого, недоступного, утраченного, даже в какой-то мере священного идеала, к которому нужно стремиться [8, с. 13].

Для того чтобы выделить смысловое содержание мифологемы Севера, мы воспользовались методом составления так называемых «мифологемных узлов». Под ними мы подразумеваем совокупность отдельных мифологем, которые относятся к конкретному общему образу-символу и связаны конкретным смысловым полем. Нами были проанализированы исследования ученых, которые выявили и описали образы, созданные в художественной литературе и мифологии коренных северных народов. Север трактуется исследователями вслед за транслаторами мифов в трех важных значениях: «Север — сторона света», «Север — территория», «Север — дух/ментальность». Первый мифологемный узел был обозначен нами как «Север — сторона света». Как утверждала Н. К. Данилова, у народов саху, хоту и ненцев направление «Север — запад» имеет явный негативный смысл и ассоциируется с миром мертвых и нижним миром, что связано с поверьями об обитающих в водах Северного Ледовитого океана злых духах [9, с. 123]. Из океана выходит грозный бык зимы, который несет людям холод, голод и нужду. Этот архетип свойствен не только народной культуре. Он нашел свое отражение и в якутской литературе, например в поэме А. Е. Кулаковского «Дары реки», где Северный Ледовитый океан представлен в виде антропоморфного образа Бабушки-океанихи, олицетворяющей хаос, ужас, жестокость. Это существо имеет безграничную власть над природой и миром людей, на которых она насылает свою дочь — лютую зиму и быка-мороза [10, с. 56]. Интересно отметить тот факт, что мифологема «бык — зима — мороз» также встречается и в массовой культуре. Так, в песне фолк-рок-группы «Мельница» под названием «Анестезия» есть такие строки: «Затертым, запертым во льдах как не сойти с ума / Искрит рогами в проводах железный бык-зима».

У коми-зырян мороз может иметь образы «зайца-лошади» и морозной упряжки, которые связаны с подобными упоминаниями в детском фольклоре и ведут свое начало из святочной мифологии [11, с. 89]. При этом, как отмечал А. В. Панюков, у коми

имеют место две мифологемы «стрельбы» («пашляк») и «дикой езды», соотносящиеся с параллельными мужскими и женскими персонажами [11, с. 90]. Таким образом, мифологемный узел, обозначенный нами как «Север — сторона света», включает в себя следующие мифологемы: ось «север — запад», «Северный Ледовитый океан», «Бабушка-океаниха», «бык-зима», «мороз-пашляк», «мороз — дикая езда».

Второй мифологемный узел, выявленный нами в работах исследователей, — это «Север как территория / Север как пространство». Значение этого образа более положительное в эмоциональном плане, так как оно содержит в себе некий маркер идентичности, воспринимавшийся носителями мифа позитивно. Мифологемный узел «Север — территория» выражался, например, у якутов в языковой форме особым термином «хоту», которым обозначался северный ландшафт и север как территория. Более того, «населенники северных территорий» говорят про себя «хотуларбыт» («мы — северяне») [9, с. 124]. В этом случае наблюдается отождествление собственной идентичности с местом проживания, с самим северным ландшафтом.

Вместе с тем, по замечанию Н. К. Даниловой, объединяющую роль в создании, моделировании сакрального пространства в мифах народа саха выполнял образ Горы, имеющий, по ее мнению, связь с верованиями тюрко-монгольских народов [9, с. 124]. Если придерживаться логики исследователя, то можно предположить связь этих верований с буддистской традицией, а именно с Горой Бога, Сумеру, где, по мнению К. Юнга, происходит «переживание мандалы», когда его исполнитель воссоздает вокруг себя из себя самого образ мира [2, с. 18]. Священная гора и является центром мира.

Данный образ можно сопоставить с Полярной горой в сакральной географии поморов, о чем упоминал Н. М. Теребихин. В этой точке происходило таинство перехода от посястороннего к потустороннему; она вызывала благоговение и ужас одновременно, что было отражено в поморских мифах о райской земле. В них фигурирует образ «ледяной горы, на которой стоит бесчисленное множество церквей» [6, с. 43]. Северные земли, располагающиеся у подножия Полярной горы, были амбивалентными, так как наделялись признаками «и ада и рая, спасительной и духовной, пугающей и опасной сферами» [6, с. 43].

Помимо концепта «гора» в контексте «Север — территория / Север — пространство» необходимо также отметить мифологему «тундра». Эта мифологема, как писала Ж. В. Бурцева, образовывала особый топос, соединяющий горизонтальное и вертикальное пространство, землю и небо [10, с. 57]. В образе опускающихся на землю снежинок она видела взаимосвязь, соединение, сопричастность земного и небесного. Проживание на данной сакральной северной территории определяло принадлежность к особой идентичности, которая была выражена в мифологеме «свое/чужое». Проживающие на Севере кочевые народы, например якуты, противопоставляли себя цивилизованному миру, горожанам, которые представлены в текстах литературных произведений (условно понимаемыми нами «текстами культурного сознания») как «дети пороков», «алчные люди», не способные «разглядеть жизнь в бескрайних просторах тундры» [10, с. 56]. Север воспринимался ими как оппозиция прошлого и настоящего, праведной дикости и грешной цивилизации, верного следования традициям прошлого и неверного городского, современного, технологичного образа жизни. Все рассмотренные мифологемы, относящиеся к узлу «Север — территория» взаимосвязаны через символическое понятие «сакральное место», трактующееся в контексте данной статьи связующим звеном между мифологическими понятиями «Север — сторона света» и «Север — территория».

Третья группа мифологем из работ отечественных авторов была оформлена в виде узла «Север — ментальность». Следует заметить, что структурировать смысловое содержание мифологемы «Север как ментальность» можно также через бинарную оппозицию «свое/чужое», относящуюся к области пересечения узлов «Север — ментальность» и «Север — территория».

Ж. В. Бурцева описала в своем исследовании образ Севера как особого места испытания на прочность избранных, настоящих людей, имеющих свои правила, установки и законы жизни [10, с. 56]. Именно Север своими крайне суровыми природными условиями проверяет людей на смелость, выносливость и на способность развить в себе такие качества, как сила духа, честность, чистота помыслов. В конечном счете победу над всеми трудностями одерживают только люди, сумевшие научиться жить в гармонии с природой и стать частью природного мира.

Такими людьми она считает кочевников, которые в силу своего специфического образа жизни обладают особыми качествами духа.

Жизнь кочевника определяет мотив бесконечного пути, он все время находится в постоянном движении от одного стойбища к другому. Домом для такого северного человека является земля его предков, но не в традиционном понимании четко обозначенного места, где человек родился, где покоятся его деды и прадеды, а всей Северной земли. С точки зрения Ж. В. Бурцевой, кочевник, пересекая географические рубежи, границы времени и веков, тем самым постоянно обращается к вечности, являясь ее частью и ее творцом. Соответственно, Север можно ассоциировать и с «вечностью», и с «безвременьем», что является неотъемлемой чертой его мифологии и философии [10, с. 57].

Родной мир кочевника, северный мир, может также восприниматься и как «живой организм». В качестве примера приведем мифологему «тундра», описанную А. С. Жулевой в ее исследовании ненецкой поэзии. Тундра является «матерью»; «женщиной, наделенной космической властью»; «матерью всех звезд» [12, с. 119]. Следовательно, тундра ассоциируется с прародительницей человека. Из вышеперечисленных образов мы можем сформулировать концепцию особой северной ментальности, включающей в себя определенные качества человека, проживающего на Севере — силу, мужество, а также отношение к природе как к важной, бросающей вызов человеку, определяющей силе этого мира, умение жить в гармонии с ней.

В современном российском социально-гуманитарном пространстве значительную роль играет понятие «Русский Север», понимаемое нами в виде отдельной более общей мифологемы, или мифологемного узла, имеющего отличия от основного смысла мифологемы «Север». В содержании мифологемы «Русский Север» мыслятся такие составляющие, как «особая духовная сила», присущая и человеку, проживающему на конкретной территории, и определенному локусу, где сохраняется память о мистической связи духовного и земного миров, об историческом опыте обретения этой силы предками, совершившими переход от первобытной культуры к православной.

А. В. Давыдова писала, что в современной отечественной культурологии и литературоведении Русский Север отождест-

вляется или соотносится с понятием «северный текст», рассматривающийся «смысловым ядром» русской духовности, культуры, традиции поэтического слова. Обращаясь к идеям отечественных авторов (Ю. М. Лотман, А. Г. Лошаков и др.), она продемонстрировала связь между понятиями «Русский Север» и «северный текст» в контексте культурологии и литературоведения. В культурологии под «северным текстом» понималась совокупность всех произведений духовной и материальной культуры народов Севера, образующая самобытное семиотическое пространство. В литературоведении «северный текст» трактуется как «мифопоэтический образ северорусского мира», сочетающий в себе индивидуальные особенности с общетипологическими чертами. Таким образом, северный текст — это отраженная в литературных текстах «история бытия Русского Севера», показывающая становление культурной и национальной идентичности [13, с. 4-38].

Е. Ш. Галимова конкретизировала географические границы, совпадающие с современным представлением о Русском Севере как о северном тексте. «Русский Север, северорусская историко-культурная зона — это вся обширная территория к Северу от водораздела Волга — Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор» [14, с. 404].

В статье А. М. Прилуцкого, посвященной проблеме определения смыслового содержания концепта «Север» в эсхатологической мифологии русского православия, был сделан вывод, что данный концепт не тождествен значению «Север — территория». Все, что ассоциируется со снегом, льдом, морозами в сакральной географии обозначается в качестве «северного» без учета привязки к конкретному месту. В работе автора перечислены три основных образа Севера в данном контексте: «место силы христиан», «убежище истинных православных верующих от греховных горожан», «место чудес». В последнем случае под «чудесами» понимался факт выживания в тяжелых условиях жизни на Севере и проживание в религиозных общинах [15, с. 46]. В эсхатологическом дискурсе Север мыслился как некое священное, сакральное место, но уже не с позиции одухотворения природы, языческих мифологических представлений, а с позиции православного христианства.

Рассматривая Русский Север в его культурном измерении, Ю. В. Линник предложил свою мифологему, назвав ее «Музей Русского Севера». Метафора музея в духе русского космизма позволила автору обосновать мысль, что на территории от Новгородской и Псковской областей до Архангельской области и Кольского полуострова сохраняются и «живут» древние культурные традиции, диалог которых образует удивительный метафизический ландшафт, существующий как бы вне времени или сквозь время. В Карелии были обнаружены, записаны и спасены от забвения две древние устные культурные традиции: русские былины и карело-финский эпос «Калевала». На всей выше-названной территории визуально представлен гештальт «Русского Севера» в виде русской деревянной архитектуры. В декоративном искусстве (на изображениях вышивок и прялок) отражены такие ключевые архетипы человечества, как представления о мире как о целостности, космосе; миф о «вечном возвращении»; символ Древа Жизни; символ Великой Матери и др. На территории Русского Севера сохраняются и воспроизводятся в жизни духовные и этические начала совместного бытия, соборности, распространённые здесь учениками Сергия Радонежского, а также выработанные веками северной крестьянской общиной. Научно-поэтическое понятие «музей Русского Севера» Ю. В. Линника как виртуальная лаборатория культурных смыслов тоже может быть отнесено к одноименной мифологеме [16].

В. К. Корнилова писала, что в произведениях отечественных писателей XX века, посвященных северной тематике, особенно акцентируются черты русского национального характера, воплощенные в образе полярника. Хотя этот образ был создан на основе реальных прототипов, он вместе с тем был сильно романтизирован и стал основой новой северной мифологии советского времени. Мужественный человек, профессионально занимающийся наукой, преданный своему делу, посвящающий свою жизнь служению обществу и прогрессу, укрощает первозданную северную стихию во имя счастливого будущего людей. В северной литературе также одухотворяется северная природа, неподчиненная цивилизации, с ее величественными пейзажами, бескрайними горизонтами, завораживающей тишиной, магически притягивающая человека и пробуждающая в нем стремление к поиску истины и самопознанию [8, с. 14]. Таким образом, поня-

тие «северная литература» тесно связано авторами с понятием «Русский Север», а мифологема «русский национальный характер» может быть включена в мифологемную связку «Русский Север». Примечательно, что в мифологемном узле «Русский Север» также выделяется мифологема «сакральное место», характерная для всех вышеописанных связок. В конце XX века мифологическое восприятие Русского Севера сменяется рациональным, в результате чего теряется его «русскость», т.е. духовность. Формируется образ Севера как удаленной от цивилизации территории, «ресурсной кладовой», «придатка Центральной России», которую надо осваивать [8, с. 44]. В XXI веке под влиянием социального, экологического, культурного кризиса возрождается образ Русского Севера как духовной целительной силы, противостоящей нигилизму технократической культуры [8, с. 45].

На основе анализа разнообразных мифологем Севера, выявленных исследователями в мифологии, художественной литературе, философских текстах, нами был сделан вывод, что все мифологемы о Севере так или иначе можно связать с понятием «сакральное место». Существенный интерес с точки зрения научной методологии представляют так называемые «мифологемные узлы», сформированные нами на основе изученного материала. Они являются вполне наглядной иллюстрацией взаимосвязи конкретных мифологем друг с другом. Все выделенные нами мифологемные узлы в совокупности могут составлять одну, более общую мифологему Севера, которая как бы объединяет, связывает их в едином смысловом поле. Являясь артикулированным феноменом коллективного сознания, с одной стороны, она обозначает сторону света «север», с другой — выражает сакрализацию северной природы, а с третьей — является ценностным ядром культуры северных народов. В контексте философии мифа А. Ф. Лосева мы определили мифологему Севера как феномен коллективного сознания, обозначающий интенцию сакрализации природы Севера, символически выражающий систему ценностей и представлений северных народов.

Заключение. Результатом данного исследования является конструирование понятия «мифологема Севера» и определение его смыслового содержания. Как видно из вышеприведенных рассуждений, данное понятие охватывает различные культурные смыслы, связанные с одухотворением природы Севера, с

наделением ее метафизическими свойствами, а также с особым отношением человека к неблагоприятным условиям жизни на Севере, которые он воспринимает не только как испытание его силы духа, но и как необходимые условия своего бытия, как творчество своей человеческой сущности посредством культуры, гармонично вписывающейся в бесконечные линии северного ландшафта. Эту мифологему можно отождествлять с феноменом коллективного сознания, включающим в себя мифологемы «Север — сторона света», «Север — территория», «Север — ментальность», «Русский Север», «сакральное пространство» и потенциально еще много других.

Именно эта мифологема является достаточно удобной теоретической и методологической позицией для исследования, выявления и описания культуры Севера. Ее эвристическая значимость заключается в том, что выведенная нами из теоретических текстов ученых-гуманитариев, описывающих конкретные эмпирические материалы, эта общая инвариантная структура смысла в контексте феноменологического подхода может использоваться в качестве инструмента классификации и анализа культурных текстов. Такого рода техника создает условия для формирования образа культуры (или диалога культур) Севера как деятельности, способствующей сохранению культурной и исторической памяти, актуализации ее в современной жизни. Результаты данного исследования могут также применяться в качестве материалов при разработке проектов в области образовательной и культурной политики, направленных на сохранение и популяризацию культур северных народов.

Список источников

1. Клюкина Л. А. Мифема и мифологема: практики использования понятия в современной отечественной философии культуры // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4 (33). С. 197–207.
2. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. А. А. Спектор. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 349 с.
3. Клюкина Л. А. Проблема мифа в контексте современной метафизики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 3. С. 142–151.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы / пер. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
6. Теребихин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск: Северный (Арктический) Федеральный университет, 2020. 271 с.
7. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. 376 с.
8. Корнилова В. К. Арктика и Север: проблема концептуализации // Мир Русского слова. 2023. № 2. С. 11–20.
9. Данилова Н. К. Концепт «Север / хоту» в представлениях народов саха и долган // Арктика XXI век. 2015. № 2 (5). С. 121–126.
10. Бурцева Ж. В. Северный текст литературы Якутии: специфика северного нарратива // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. № 19 (2). С. 55–57.
11. Панюков А. В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. № 1 (9). С. 89–92.
12. Жулева А. С. Мифологемы в ненецкой поэзии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 117–122.
13. Давыдова А. В. Художественная картина мира в Северном тексте русской литературы народов Российской Федерации : дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2026. 490 с.
14. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы как региональный свертхтекст // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика : сборник научных статей: материалы V и VI Поморских чтений по семиотике культуры / под ред. Н. М. Теребихина. Архангельск: САФУ, 2011. С. 403–412.
15. Прилуцкий А. М. Семиотика и семантика концепта «Север» в эсхатологических дискурсах сакральной географии // Вестник Ленинградского гуманитарного университета им. А. С. Пушкина. 2022. № 3. С. 140–151.
16. Линник Ю. В. Музей Русского Севера // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.] : материалы I Международной научно-практической конференции: науч. электрон. изд. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 399–419.

References

1. Klyukina L. A. Mythema and Mythologema: the customs of these terms' usage in the modern Russian philosophy of culture. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Culture Investigations]. 2018. No 4 (33). Pp. 197–207. (In Russ.)
2. Yung K. G. *Dusha i mif. Shest' arhetipov* [The Spirit and the Myth. Six archetypes]. Translated by A. A. Spector. Moscow: AST Publ.; Minsk: Harvest Publ., 2005. 349 p. (In Russ.)

3. Klyukina L. A. The Problem of the Myth in the contest of modern metaphysics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 6. Filosofia. Kulturologia. Politologia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint-Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Cultural studies. Politology. Law. International relations]. 2008. No 3. Pp. 142–151. (In Russ.)

4. Losev A. F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 558 p.

5. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated by M. S. Kozlova. Moscow: Gnosis Publ., 1994. Part I. 612 p. (In Russ.)

6. Terebihin N. M. *Metafizika Severa: monografiya* [The Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University, 2020. 271 p. (In Russ.)

7. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. *Filosofiya Severa: korennye malochislennye narody Severa v scenariyah miroustrojstva* [The Philosophy of the North: Indigenous small-numbered peoples of the North in world order scenarios]. Salekhard, Novosibirsk : Siberian scholarly publishing, 2006. 376 p. (In Russ.)

8. Kornilova V. K. The Arctic and The North: the problem of the conceptualization. *Mir Russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2023. No 2. Pp. 11–20. (In Russ.)

9. Danilova N. K. The Concept “North / hotu” in perceptions of Sakhalars and Dolgans. *Arktika XXI vek* [Arctic XXI century]. 2015. No 2 (5). Pp. 121–126. (In Russ.)

10. Burceva Zh. V. The Northern narrative of Yakutia: specificity of the Northern narrative. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2018. No 19 (2). Pp. 55–57. (In Russ.)

11. Panyukov A. V. The image of the frost in the calendar mythology of the Komi-Zyrian. *Izvestiya Komi nauchnogo centra ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2012. No 1 (9). Pp. 89–92. (In Russ.)

12. Zhuleva A. S. The Mythologemas in the Nentsy poetry. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [Northeastern Humanitarian Bulletin]. 2019. No 3 (28). Pp. 117–122. (In Russ.)

13. Davydova A. V. *Hudozhestvennaya kartina mira v Severnom tekste russkoj literatury narodov Rossijskoj federacii : dis. ...d-ra filol. nauk* [Artistic picture of the world in the Northern text of Russian literature of the peoples of the Russian Federation : dis. ... Doctor of Philological Sciences]. Arkhangelsk, 2026. 490 p. (In Russ.)

14. Galimova E. Sh. The Northern Text of Russian Literature as a Regional Supertext. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropejskogo Severa: genezis, struktura, semantika : sbornik nauchnyh statej: materialy V i VI Pomorskih chtenij po semiotike kul'tury* [Geocultural space of the European North: genesis, structure, semantics : a collection of scientific articles: materials from the V and VI Pomor

readings on the semiotics of culture]. Edited by N. M. Terebihin. Arkhangelsk: SAFU, 2011. Pp. 403–412. (In Russ.)

15. Priluckij A. M. The semiotics and semantics of the concept “The North” in the eschatological discourses of sacral geography. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. 2022. No 3. Pp. 140–151. (In Russ.)

16. Linnik Yu. V. The Museum of the Russian North. *Prityazhenie Severa: yazyk, literatura, socium* [v 2 ch.] : *materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Elektronnyj resurs]: nauchnoe elektronnoe izdanie* [The attraction of the North: language, literature, society [in 2 parts] : The Materials of I International Research/practice Conference [Electronic source]: scientific electronic publication]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Petrozavodsk State University. Petrozavodsk: “University Press of PetrSU”, 2018. Pp. 399–419. (In Russ.)

Сведения об авторах

Кликачева Анна Анатольевна, аспирант I года обучения кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33)

Клюкина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33)

Information about the authors

Anna A. Klikacheva, first-year graduate student of Philosophie and Cultural Studies Department of History, Political and Social Science Institution, Petrozavodsk State University (33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia)

Lyudmila A. Klyukina, Doctor of Philosophy, Professor, Petrozavodsk State University (33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2026
Принята к публикации / Accepted for publication 11.06.2026